

Максим Горький: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. -- СПб.: РХГИ, 1997. -- (Русский путь).

OCR Бычков М. Н.

I

Один из молодых наших писателей назвал современную нам русскую литературу "литературой мертвецов". Отзыв этот, может быть, слишком строгий, примыкает всецело к тем жалобам на серенькое время, переживаемое литературой, которые за последние годы сделались довольно заурядным явлением и успели даже превратиться в общее место. Многими, конечно, жалобы эти повторяются уже по инерции, по традиции. Но очень многие высказывают их вполне сознательно и не без основания.

Действительно, если всмотреться в причины этих жалоб, то прежде всего придется сказать, что кроются они не в количественном оскудении, а в качественном. В самом деле, достаточно просмотреть наши ежемесячные журналы, каталоги книжных магазинов и газеты для того, чтобы убедиться, что количество беллетристических произведений не только не уменьшается, но, наоборот, с каждым годом все возрастает и возрастает в удивительной прогрессии. Но этот же просмотр покажет и причины, вызывающие жалобы на оскудение. Перелистывая журнал за журналом, вы поневоле обратите внимание на такое, например, явление, что большая часть всей массы литературных произведений принадлежит всего лишь двум-трем авторам. Не опасаясь впасть в ошибку, можно сказать, что в половине журналов вы встретите романы или повесть Потапенко, Боборыкина, Немировича-Данченко¹ и еще двух-трех. При этом неизбежно бросится вам в глаза и то обстоятельство, что один и тот же писатель, хотя бы, например, Потапенко, печатал два-три романа в нескольких журналах одновременно.

Нисколько поэтому не удивительно, если при такой необычайной плодовитости наши беллетристы создают нечто серенькое, крайне однообразное, написанное по одному, раз уже принятому шаблону. Каких-либо новых, самостоятельно продуманных "идей", конечно, здесь нечего ждать. Арсенал у всех у них старый, взятый у других. Никто из них не скажет вам чего-нибудь нового, своего. Они или фотографируют, с точностью этнографа, окружающую их жизнь, или же проповедуют старые истины, чуть ли не прописную мораль. Возьмите хотя бы один из первых романов Потапенко "На действительной службе", который главным образом и доставил романисту имя. Разве это не прописная мораль? Герой этого романа, священник, перед которым открывалась блестящая карьера, уезжает в деревню и здесь, благодаря совершенно исключительным условиям, старается быть бескорыстным, отказывается от платы за требы и т.д., и т.д. Разве не этнографический характер носят рассказы гг. Тана, Серошевского² или Мамина-Сибиряка?

Но это еще в лучшем случае. А обыкновенно все эти огромные романы представляют собой не что иное, как простое, часто механическое, чередование "разговоров" с "описаниями" и наоборот. Авторы этих "сочинений" в беллетристическом роде, принимаясь за перо, обыкновенно не задаются вопросом о том, чем они закончат свои романы, и нередки случаи, что подчас, как это известно за редакционными кулисами, забывают имена своих героев, похоронив -- воскрешают их и т. д. Присущий этим беллетристам хотя и не особенно крупный, но все-таки талант делает эти произведения удобочитаемыми. Проникнутые тонким юмором рассказы г. Потапенки, особенно из духовного и студенческого быта, имеют довольно обширный круг читателей и действительно иной раз не лишены занимательности и интереса.

Но ведь дело не в занимательности того или иного произведения. Одна занимательность теперь читателя удовлетворять не может. Как совершенно справедливо заметил граф Л. Н. Толстой, в настоящее время, "что бы ни изображал художник,-- во всем мы ищем душу художника"... И чем ярче сказывается эта душа, чем индивидуальнее и субъективнее автор, тем более мы его любим, даже если он не рассказывает нам никаких занимательных историй.

Лучшим примером может служить Антон Чехов. В нескольких томиках его сочинений вы не найдете крупных романов или обширных повестей. Все это художественно отделанные миниатюры, рассказы о самых обыденных эпизодах из повседневной жизни самых обыкновенных людей. И между тем с каким живым интересом набрасываетесь вы на все, даже небольшие рассказы, подписанные именем этого писателя. Вы с увлечением читаете их, потому что за каждым его словом слышите его тоскующую душу, видите его страдающий в пошлой обыденной обстановке образ. Без громких фраз и